

Юрий Головин

ПОСТУПОК

16+

Юрий Головин

Поступок

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Головин Ю. Е.

Поступок / Ю. Е. Головин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Вся наша жизнь состоит из поступков... Порой хороших, порой отвратительных. Каждый может оступиться, но каждый ли сможет искупить свою вину? Сборщик податей Пётр был жесток и немилосерден, пока во сне не увидел себя умершим. На чашу весов с хорошими поступками ангелы смогли положить лишь кусок хлеба, который он кинул в нищего. Оставшейся жизни Петру хватило, чтобы покаяться в своих неблагоприятных делах и обрести царствие небесное. Алексей Севастьянов не был жестоким сборщиком податей. Он простой работяга, который по молодости совершил серьёзную ошибку. Спустя годы его жизнь пошла по наклонной. Потеряв работу он стал алкоголиком и бродягой. Впереди его ждут скитания по притонам, ночлежкам, жизнь в монастыре и попытка вернуться к прежней жизни.

© Головин Ю. Е., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

– А что передавать за проезд желания нет? – спрашивает водитель маршрутки. – Заднюю дверь не открою!

С задней площадки к передней двери двигается потрепанная парочка. Пьяная женщина в сером пальто, дешевой яркой косметикой на лице и давно немывтыми волосами на голове. Мужчина бомжеватого вида в черной кожаной куртке, возраста лет 50-ти, среднего роста и телосложения, трехдневной щетиной на лице и пьяным блеском в глазах.

– Извини, нет денег на проезд!

– А на водку есть?

– Тоже нет...

– Плохо!

– Когда нет денег на водку, это не плохо, это песец! – добавляет женщина.

Водитель махает рукой и парочка едет дальше. Женщина видимо чувствуя необходимость оправдаться перед общественностью начинает громко пилить мужика.

– Если вырастут цены на всё... Останется только снять твой крест и продать. Я сегодня с тебя его сниму, прости Господи! (крестится).

Парочка вышла на своей остановке. Водитель задумчиво поглядел на дорогу, молча и на ощупь собрал деньги на проезд и поехал дальше.

Алексей Севастьянов не всегда был алкоголиком. Так получилось, что в одно мгновение он потерял всё. Нет, он не совершил преступление, за которое бы сел в тюрьму на долгие годы. Всё началось с потери работы. Сельхозпредприятие, где он трудился развалилось. Даже лихие 90-е совхоз пережил, а вот инвесторы 2000-х надломили некогда успешное предприятие. Набрали субсидий, которые, ясное дело, осели в их карманах. Обещали построить новый коровник и телятник, но вместо этого стали "реорганизовывать" существующее. Разобрали старый коровник, объясняя это тем, что к зиме построят новый. Но к зиме не построили и скотину пустили под нож.

Из гаража сдали в металлолом все "ненужные" детали, а потом и технику, которая была ещё на ходу. В итоге в колхозе не осталось ни одной бесхозной железяки. В пункты приёма пошло всё, что могло стоить приличных денег. Цистерны под топливо, остатки системы мелиорации и даже пожарная ёмкость. Зачем она нужна, когда тушить нечего: ни коровника, ни гаража?

Гром грянул, когда новый владелец совхоза начал выкорчевывать бетонные плиты, которыми были устланы все дороги в некогда богатом селе. Люди решили костью лечь, но не дать новоявленному помещику разбирать последнюю дорогу к деревенскому кладбищу.

– Замахнулись на святое! Пытаются забрать у нас последнее – память о наших предках! – горчился на сельском сходе Алексей Севастьянов.

– Изверги! Хотят осквернить кладбище! Вот такие же негодяи в 20-е годы ломали в нашем селе церковь, – возмущалась баба Дуся, бывшая главбух совхоза и в прошлом ярая коммунистка, под старость лет задумавшаяся о душе.

– Сталина на них нет! – религиозные чувства Евдокии Петровны на удивление уживались с любовью к «вождю народов». У нее даже дома среди образов святых стояла копия иконы «Матрона и Сталин», где Иосиф Виссарионович во время войны посетил святую блаженную Матрону Московскую.

Сельский сход проходил возле фельдшерско-акушерского пункта – единственного очага районной власти в населенном пункте. В селе Дорофеево уже пять лет как закрыли всё что можно и нельзя: школу, детский садик, почту, магазин, библиотеку, дом культуры, где в лучшие годы проходили танцы и проводили кинолектории. Сельсовет и тот перебрался в село покрупней. Оптимизация, будь она неладна!

– Что раскричались? – выбежала на крыльцо Татьяна, фельдшер и по совместительству депутат райсовета. – Раньше думать надо было! Сами пустили к себе в село этих дармоедов! На кого теперь жаловаться?

Над толпой разнесся стон, это возмущение женской половины села слилось в единый звук.

– Ах ты, да я тебя! – наперебой загалдели бабы. Татьяне тут же припомнили шашни с председателем, агрономом и другими видными женатыми мужчинами Дорофеева. Заменяя бранные слова скажем, что ее называли «легкомысленной», «сердцеедкой» и «просто дрянной бабой». Какое это имело отношение к делу Алексей не понял, но резкая смена повестки схода грозила провалом главной идеи, которую мужики выработали еще неделю назад.

– Нет времени ссориться! – срываясь на крик завопил он. – Завтра в село приезжает Дрозд и глава сельсовета! Мне ребята с ДРСУ сказали, что власть приняла решение не препятствовать разборке дороги. Завтра нам пообещают построить новую, но лишь в следующем году. Но понятно дело, что это ложь. Скажите, когда у нас в последний раз ремонтировали или строили дороги?! Соглашаться никак нельзя! Нужно дать им отпор!

Ранним утром по сельской дороге промчались (на сколько это позволяли ямы и ухабы) две машины – «Дастер» и «Фольксваген Амарок». В первом ехал глава сельсовета Артемий Филиппович – сухощавый седой мужчина с едва заметными усами. Не смотря на то, что он работал в сельской местности, на службу он приходил исключительно в костюме с галстуком и лакированных ботинках. Глава раньше возглавлял один из МУПов соседнего района, но засветился в сомнительных закупках и махинациях на торгах. Предприятие было на грани банкротства, но деньги заработанные на подрядах в образовательных учреждениях переводились в частную контору, которая была записана на жену главы района, друга и покровителя Артемия Филипповича. Схему воровства (а иначе это и не назовешь) раскрыли активисты движения «Зачестные закупки», и глава района был вынужден покинуть свой пост. Филиппыч же сбежал на муниципальную службу в соседний район. Своё место он считал ссылкой. А как иначе? Вместо привычной «Тойоты Камри» удалось выбить для себя всего лишь «Дастер», вместо чистого офиса с секретаршей старое здание колхозной управы. Чиновник искренне ненавидел свою работу, его дико раздражало трястись 30 километров по разбитым дорогам, чтобы попасть на службу. Поэтому он почти всю рабочую неделю проводил в городе, в районной администрации. «Я там выбиваю для вас деньги, на ремонт дорог, ФАПов и дома культуры» – Артемий Филиппович с упоением вешал лапшу на уши доверчивым селянам, когда им удавалась застать его у себя в кабинете. Но больше всего чиновник ненавидел «общение с народом». «Полчаса оплеванной, зато я зарабатываю больше, чем целая деревня» – успокаивал себя представитель «местной элиты».

В «Амароке» ехал Дроздов Федор Павлович, по прозвищу «Дрозд». «Авторитетный предприниматель» – так его аккуратно называли местные СМИ, когда его попытались посадить за хищения в сфере субсидирования сельского хозяйства. Уголовное дело развалилось благодаря сребролюбию высокопоставленного сотрудника отдела по борьбе с экономическими преступлениями. Говорят, что и дело то появилось лишь потому, что Дрозд послал на хрен оборотня в погонах, который недвусмысленно заявил, что нужно делиться. Конфликт закончился «компенсацией», которую бизнесмен выплатил силовику и попойкой в бане, где бывшие враги стали заклятыми друзьями.

Вы спросите, что связывало Артемия Филипповича и Федора Павловича? Инвестиционный проект! Первый помогал малому бизнесу с документацией на освобождение от налогов и выплату субсидий на развитие сельского хозяйства. Второй же щедро благодарил коррумпированного чиновника.

Кортеж подъехал к единственному въезду в село Дорофеево и уперся в телегу, которую кто-то выкатил на дорогу. Возле нее стояли человек 20 мужиков, одетых в замасленные фуфайки и спецовки. Разводные ключи и суровые лица не предвещали для гостей ничего хорошего.

«Лёха давай!» – выкрикнули из толпы. С грохотом завелся трактор, за баранкой которой сидел наш герой. Синий «Беларус» на полном ходу несся в сторону дорогой иномарки инвестора.

Дрозд на секунду растерялся и лишь смотрел как приближается трактор. В последний момент Севастьянов устроил «дрифт» и «полицейский разворот», насколько это было возможно сделать на таком агрегате.

– Тьфу, ля! – выругался Дрозд, сплюнул и выбросил в форточку сигаретный бычок. Проводив его взглядом авторитет поднял глаза на прицеп, которым к нему повернулся трактор. Из бочки в нем на бизнесмена словно дуло смотрел шланг. Еще секунда и прямо в салон автомобиля хлынула зловонная жижа. От полного унижения Дрозда спасла привычка не пристегиваться (статус не позволяет). Лихо перемахнув через рычаг коробки передач и пассажирское сидение мужчина выкатился на противоположную сторону дороги.

Под отборный мат и гневное улюлюканье авторитет на ходу запрыгнул в «Дастер» главы сельсовета.

В Дорофеево селяне до вечера отмечали «победу». Над зданием ФАПа кто-то повесил красный флаг, а возле крыльца появилась «поляна». Мужики пили горькую, закусывая скудной снедью: луком, солеными огурцами и картошкой в мундире.

– Проучили мы этого капиталиста, – горячился дед Прокофий. – Пускай знает, как покушаться на народное добро!

– Толку-то? – хмурился Алексей Севастьянов. – Совхоз весь распродан, отстояли лишь последнее – дорогу на кладбище...

– Дорогу я и так разбирать не собирался, – раздался громкий голос Дрозда. Его фигура в белой рубашке и белых брюках, неожиданно появилась возле ФАПа.

Он вернулся в Дорофеево на коричневом «Туареге», основной же автомобиль предпринимателя продолжал пылиться на въезде в село.

– Вы думаете у меня совсем ничего святого ни осталось? – возмутился Дрозд. – Я знать не знал, что мои рабочие собрались разобрать дорогу на погост. Как только до меня дошли разговоры о том, что значит эта дорога для жителей, я сразу же остановил все работы. Плиты, которые успели выкорчевывать вернут на место уже завтра!

– Это вам компенсация за доставленное неудобство, – с этими словами бизнесмен открыл багажник иномарки, в котором лежал ящик водки. – Завтра получите столько же. Плюс по две тысячи рублей каждому, кто примет участие в чистке моего автомобиля. И смотрите, чтобы почистили на совесть! Я не хочу испачкать свой белый костюм...

Дрозд бросил мужикам ключи от «Амарока» и по иронии судьбы их поймал самый ярый «борец с капиталистами» дед Прокофий. Немая сцена получилась похлеще чем в шекспировской трагедии. Кто-то с полным стаканом в руке, кто-то с пустым, но с дикой гримасой на лице, казалось что все сейчас задохнуться от возмущения, вызванного неслыханной наглостью. Именно так казалось Алексею. Его негодование прервал робкий и заискивающий кашель Прокофия.

– А что? Получается он пошел нам на встречу, – поглаживая козлиную бородку произнес дедуля. – Да и две тысячи на дороге не валяются.

Алексей смолил папиросу за папиросой, с трудом скрывая гнев и досаду. С самого утра его товарищи намывали дроздовскую иномарку. Для пущей гротескности ситуации не хватало,

чтобы дед Прокофий вытирал лобовое стекло машины красным флагом, который он вчера повесил над ФАПом. Но тот вчера лишь стыдливо снял знамя, едва стемнело в селе.

К обеду в Дорофеево явился сам Дрозд. Он неспешно оценил качество уборки автомобиля и даже указал на некоторые недостатки, которые кто-то из мужиков в течение минуты судорожно устранил.

– То-то же, – бизнесмен сально улыбнулся и вынул из кармана брюк пачку тысячных купюр. – Здесь больше, чем вы заслужили. Но смотрите, много не пейте.

Он сел в чистенький «Амарок» и казалось поехал прочь. Но проехав сотню метров остановился возле Алексея.

– Что шибко принципиальный? – грозно рыкнул бизнесмен. – Садись, разговор есть!

Наш герой потупился на свои изрядно испачканные сапоги.

– Да не дрейфь, – перехватив взгляд воскликнул Дрозд. – Я ведь сам деревенский, запах навоза со мной с детства.

Мужчины на иномарке доехали по той самой бетонке до сельского кладбища. Авторитет достал из бардачка пачку дорогих сигарет и вынул из нее две. Алексей и Дрозд молча курили, казалось оба приехали посмотреть на покосившиеся кресты старого погоста.

– Я ненавижу село! – прервал молчание бизнесмен. – Всё детство и юность я пытался отсюда вырваться. Жизнь моя несколько раз чуть не оборвалась в грёбаной деревне. Первый раз, когда старшие мальчишки «учили» меня плавать и сбросили в пруд. Второй, когда я решил покататься на мотоцикле старшего брата. Я чудом пролетел между двумя столбами, когда «Ижак» под моим управлением наехал на большой камень. Очевидцы потом судачили, что я в рубашке родился. Да вот только двухколесая машина забрала своё. Через две недели на мотоцикле разбился мой брат... В школьные годы я ждал и надеялся, что светлое будущее не за горами. Что в место людей в полях будут работать машины, люди все переедут жить в город в большие металлические дома. Мы будем больше времени проводить за чтением книг, занятиями спортом, а вместо нас будут работать роботы. Зимой же все жители будут уезжать отдыхать в теплые края... Но зимы проносились одна за другой, а коммунизм не настаивал. В одну из таких зим не стало мамы, а через год не вернулся с охоты отец. Вместе с родителями умер и Советский Союз... Я уже не хотел стать космонавтом, мечтал о работе рэкетиром. И я им стал (в этот момент Севастьянову показалось, что на глазах авторитета выступили слезы, но тот резко отвернулся).

– Сейчас лишь об одном мечтаю. Чтобы мои дети не стали мною, – спустя минутную паузу проронил Дрозд. – У тебя есть дети?

– Нет, – соврал Алексей, который знал что стал отцом много лет назад, но так и не создал семью.

– Плохо... Слушай, прости меня, ради Христа! Прошу прощение у тебя, потому что все остальные в твоём селе такие же, как я. И на моем бы месте поступили бы также. Говорят город не стоит без праведника. Ты не праведник, но у тебя осталась совесть, видать и село еще живо благодаря таким как ты. Поэтому прости что хотел лишить дороги к отчим могилам. Сам ведь человек православный, верней пытаюсь им стать. И деньги на храм жертвовал, и другой благотворительностью занимался. Но все мои попытки Господь видимо не принимает, словно жертвы Каина, развеивает дым от них над землей. И я не знаю какой котел ждет меня там. Скоро я попаду в ад и ни что не спасет мою душу... Ведь у меня рак...

Дрозд крепко пожал Алексею руку и лихо запрыгнул в свой внедорожник. Автомобиль успел отъехать на значительное расстояние, когда селянин опомнился и понял что Дрозд сунул ему в руку помятую пятитысячную купюру.

Три дня Севастьянов пил и поил самогонкой своих товарищей. Когда деньги кончились Алексей собрал весь свой нехитрый скарб в спортивную сумку и отправился в райцентр, откуда ходили маршрутки в Москву. Проходя мимо стоянки оставшейся техники совхоза он подошел

к трактору, на котором проработал несколько лет. Словно верного коня он похлопал дверь синей машины.

– Прощай друг, больше не свидимся, – с досадой произнес наш герой.

На выезде из села он еще раз оглянулся в сторону села, перекрестился на полуразрушенный храм и зашагал бодрым шагом прочь.

Личная жизнь Севастьянова не клеилась. В молодости он охмурил молодую девушку Таню, и через некоторое время любовь дала свои плоды – подруга забеременела. Вот только мужчина поступил, как последний негодяй. Сказал даме сердца, что он слишком молод и не готов к семейной жизни. Как говорится «долгое расставание – лишние слезы», он сбежал от бедной девчонки в тот же вечер, когда узнал о возможности стать отцом. Потом от друзей Алексей узнал, что Татьяна родила девочку и уехала жить в Кострому. Она была слишком гордая, чтобы подать на алименты на незадачливого папашу и уж тем более чтобы поддерживать с ним связь.

Были в жизни нашего героя и другие женщины, но в основном все «стервы и суки». Это Леша сам так их называл во время мужских разговоров за рюмкой чая.

– Жизнь дерьмо, все бабы суки, а солнце гребаный фонарь, – цитировал Алексей дворовую песню, когда кто-то из его закадычных дружков предлагал выпить «за милых дам».

Самые длительные отношения у Севастьянова были с штукатурщицей Натальей. Очень деятельной, но грубой бабой. Единственного мужа Наталья выгнала из дома еще до того, как он спился и стал уголовником. Своего сына от брака она опекала как могла, дабы уберечь от участи отца. Увы, но тот рано повзрослей и подался учиться в ПТУ в другом районе, там и познакомился с зеленым змием.

Алексей, какое-то время даже успел пожить с Наташей, но был также изгнан за склонность к алкоголю. Севастьянов любил свою пассию. Стройная жгучая брюнетка с карими глазами в большом городе запросто нашла бы себе обеспеченного папика, но она была чересчур независимой, жила всю жизнь в сельской местности и обжегшись однажды не торопилась заводить серьезных отношений. Алексей не знал, что в нем привлекало Наталью, но чувства вспыхнули при первой встрече. На протяжении долгих лет их роман то затухал, то разгорался с новой силой, пока Наташу не постигла горькая участь. Ее сын, тёзка Севастьянова вернулся в село имея за плечами разрушенный брак, брошенных жену и дочь, а также судимость за кражу металла. Он не был совсем уж падшим человеком, но успел по пьяни натворить безобразия. Например, сломал матери руку. Наталья простила бесстыжего отпрыска, но вот ее вездесущая старшая сестрица Антонина предложила научить тихого алкоголика уму разуму. Тоня подготовила своего 17-летнего внука с друзьями постарше проучить выпивоху. Планировалось, что они побьют сына Натальи и предупредят, чтобы тот больше не поднимал руку на мать. Пьяные молодчики пошли на дело дернув по сто грамм для храбрости. Четыре юнца с палками легко накостыляли пребывавшему в запое мужчине. Внучку Антонины этого показалось мало и безумная компания погрузила потерявшего сознание пьяницу в багажник «Приоры», которую когда-то подарила заботливая бабушка. Мужчину отвезли на ближайший пруд и сбросили в воду. В таком состоянии, со сломанными ступнями и связанными за спиной руками у сына Натальи не было шансов. Всех душегубов поймали и раскололи, поэтому две женщины-заговорщицы пошли в суде, как организаторы заказного убийства.

Именно после ареста Наташи Алексей запил еще сильнее, чем прежде.

После эпизода с Дроздом Севастьянов остался и без работы. Совхоз окончательно загнулся. Никто не захотел работать скотником на ферме за 10 тысяч рублей и возможность таскать домой продукты. В Москве в охране можно было заработать в два раза больше, при

этом ничего не делая. Алексей презирал такой труд и подался на одну из столичных строек. Там он работал вместе с гастарбайтерами из ближнего зарубежья. Спустя время его иностранных коллег выдворили из России после одного из рейдов миграционки, а Алексею просто не заплатили. С горя напившись, ругая судьбу и непорядочного подрядчика он пришел в офис строительной компании. Там Алексею заплатили сполна: сломали руку, ногу, ключицу, разбили лицо и выбросили на трассе. Его изрядного замерзшего подобрала скорая на загородном шоссе, где Алексея нашел случайный водитель, который спустился в кювет, чтобы справить нужду. Медики не хотели подбирать покалеченного бича, от которого разило алкоголем, но поморщившись фельдшер с водителем запихали Севастьянова в неотложку. Не оставлять же его умирать в конце концов.

В больнице медсестры побрезговали заниматься бомжом с улицы и положили Алексея в коридоре – авось к утру сдохнет. Но утром пришел молодой врач Александр Петров, идеалист после медакадемии, для которого каждая безвыходная травма пациента была настоящим вызовом.

Дежурная медсестра Анечка с русой косой и румяными щеками была в тайне влюблена в Александра Павловича, который кроме блестящего ума имел аполлонову внешность.

– Ночью Гусеву из пятой палаты стало хуже, я сделала ему обезболивающий укол, – щебетала Анна, шагая по пятам за Петровым.

– Что у тебя по поступившим за ночь? – врач перебил ее бодрый доклад.

– Да так, поступил один бомж, но он вроде как безнадежный, – пробормотала Анечка.

– Вроде как? – нахмурился Александр. – Ночью же дежурил сам заведующий отделением, он что не осмотрел его?

– Заведующий еще вечером заперся у себя в кабинете и до сих пор не выходил, – потупилась медсестра.

– Опять пил?! – разгневался Петров. – Всё понятно! Подготовьте больного к осмотру!

– Но он...

– Живо!!!

Сквозь слезы обиды Анечка пыталась разглядеть пуговицы на темной от крови и грязи рубашки бомжа, которым был наш Алексей.

– Почему же ты не умер ночью? – фырчала медсестра Анна, пытаясь расстригнуть прилипшую одежду. – Из-за тебя Саша теперь меня ненавидит, а я ведь люблю его.

Наш герой молчал, он не мог сообразить, как он оказался в больнице, и почему плачет эта милая девушка. Уже лежа на каталке он потерял сознание и первый раз оказался где-то за гранью. Алексей шел по мосту над огненной расщелиной от куда вырывались языки пламени и доносился запах серы. Он огляделся по сторонам и увидел сотни других людей, которые медленно плелись в одну сторону. Рядом стоял его бывший коллега по стройке Юсуф.

– Леша, я похоже совсем мертвый, – залепетал друг Алексея. – Как же моя Гульнар, Ильяс, Зухра?

Юсуф перешел на узбекский, но Севастьянов за время работы с ним умудрился немного выучить их язык. Стало понятно, что бедный гастарбайтер, как и Леша висит между жизнью и смертью и все его мысли сейчас были обращены к его семье и Богу (или Аллаху). Наш же герой сейчас думал о другом.

– Умрет, никто не заплачет. Разве, что Наташка в тюрьме узнает. Скажет: «Эх, Лешка, сгубила тебя синька!»

Он снова тревожно посмотрел по сторонам. Тут и там мужчины и женщины, взрослые и молодые падали с моста прямо в раскаленную лаву, но на некоторых нисходил столп света и они исчезали.

– Алёша, брат, мне пора, прости если что не так, – произнес Юсуф и погрузился в белый свет. Из подл ног Севастьянова исчезла твердь, он зажмурился и приготовился сгнуться в Геене огненной...

В этот день благодаря усердию молодого врача жизнь Алексея не оборвалась. Полдня врач Петров корпел над Севастьяновым в реанимации. Его старания увенчались успехом, но полученные травмы и увечья означали для Алексея полный отказ от тяжелой физической работы.

Вернувшийся с того света наш герой сквозь полудрему слышал, как Александр Павлович распекает медсестру Анну, чья безалаберность едва не стоила Алексею жизни.

– Ты вообще зачем в медицину поперлась, дура! – интеллигентный врач Павлов был настолько разъярен, что сорвался на оскорбления. – Человек навсегда остался калекой! Ты ему жизнь сломала! Ещё бы чуть-чуть и он бы умер прямо на операционном столе!

– Да может так было бы лучше, – сквозь рыдания выпалила Анна. – Зачем ему жить с такими травмами?!

– Не тебе решать, жить человеку или нет! Заруби себе это на носу! – отрезал врач. – Советую тебе написать заявление на увольнение. Иди работай в «Пятерочку», там больше зарабатываешь, и людей на грань жизни и смерти больше ставить не будешь.

Петров вышел из помещения громко хлопнув дверью.

Ночью в палату к Севастьянову открылась дверь, в проем прошмыгнула едва заметная фигура. Наш герой не спал, он каждой частью своего тела ощущал боль от полученных повреждений.

Незванный гость приближался к кровати Алексея. Свет уличного фонаря за окном упал на женский силуэт. Это была медсестра Анна и в руках её был шприц на десять кубиков.

Севастьянов почувствовал нависшую над ним угрозу, но притворился спящим. Девушка занесла шприц над рукой пациента, но застыла в нерешительности.

Через минуту сестра издала душераздирающий стон и буквально обрушилась на стул возле кровати. Её трясло как в эпилептическом припадке. Шприц выпал из рук и закатился под тумбочку.

Алексей понял, что еще немного и проснутся его немногочисленные соседи по палате и прервал молчание:

– Девочка, от чего же ты плачешь?

Медсестра всхлипнула и мгновенно прекратила истерику.

– Я хотела вас убить! – выпалила Анна. – Я решила, что это из-за вас Александр Павлович теперь меня ненавидит! Но это не так! Я чудовище! Он прав, я поступила отвратительно по отношению к вам...

– Кто знает, может если бы меня оперировал алкоголик – заведующий отделением, то быть мне зарезанным прямо на операционном столе, – перебил девушку Севастьянов. – А ты меня наоборот спасла положив в коридоре, подальше от чужих глаз. Александру Павловичу ты же сказала правду, что в приемный покой поступил безнадежный бомж. А то что я выкарабкался, так это настоящее чудо. Уверен, он тебя простит. По нему видно, что добрый человек...

– Добрый, умный, лучший... – пробормотала Анна.

– Ну и не плачь, всё наладится...

После этого короткого диалога Анечка ухаживала за Севастьяновым словно за родным отцом. И даже приносила из дома апельсины и яблоки. Вот только ни в какую не соглашалась приносить в больницу алкоголь. Но ходоки из числа поправляющихся всё равно находились и под вечер однопалатчане напивались в стельку.

– Алексей Васильевич, зачем же вы так пьете?! – возмущалась медсестра. – Все беды от алкоголя. Люди травятся, умирают, совершают преступления и всё под градусом. Вот почитайте свежую «Комсомолку», там как раз об этом.

Пьяный Севастьянов схватил газету и отбросил её на тумбочку. Повернулся на бок и захрапел.

Алкоголики словно жаворонки, просыпаются ни свет, ни заря. Так и Алексей очнулся, когда остальная больница еще дремала. На тумбочке Аннушка заботливо поставила бутылку воды и развернула газету так, чтобы Севастьянов обязательно увидел громкий заголовок: «Огненная вода затопила Россию! Кому выгодно травить русский народ?» С бодуна читать текст на две газетные полосы было невозможно, но он глазами пробежал комментарий эксперта от медицины: «Смерть от алкоголя может застать человека, где угодно: на улице, в поезде и даже в туалете. Извините за подробности, но, к примеру, пойдет алкоголик справить малую нужду и тут его хватит удар. В морге потом поставят диагноз: «Обширный инфаркт». А то, что он неделю перед этим пил никто не отметит. Нет такой статистики, сколько человек умерло именно от злоупотребления алкоголем, но поверьте цифры ужасающие!»

У Алексея защемило в груди. «Ну Анька, так и доведет до инфаркта своим статьями!», – подумал Севастьянов.

Он перелистнул страницу на криминальную хронику и сводки происшествий.

«Узбекский рабочий спас двух детей ценой своей жизни». Иллюстрацией к новости была нелепая фотография из «Одноклассников». Улыбающийся гастарбайтер держал перфоратор словно бластер или автомат и стрелял в фигуру гипсового динозавра. Это фото сделал Алексей, когда они сумели выбраться в город вместе с Юсуфом.

«27-летний Юсуф Исмаилов не задумываясь бросился в реку, когда на его глазах с моста упал велосипед с двумя детьми в возрасте пяти и десяти лет. Первым из воды Юсуф вытащил младшего Ваню и вернулся в реку, чтобы найти старшего Сашу, который при падении ударился головой и не мог самостоятельно выплыть в холодной воде. Рабочий нырнул в реку раз за разом. И вот на поверхности появилась голова ребенка. Юсуф вытолкнул на берег Сашу, а сам упал обратно в реку. Подоспевшие медики реанимировали ребенка и констатировали смерть Юсуфа. Предварительная причина – не выдержало сердце. Глава столичного МЧС уже сделал заявление о представлении Исмаилова к награде посмертно. У Юсуфа остались жена и двое детей в Узбекистане. В настоящее время решается вопрос об оказании помощи семье погибшего».

– Нужно помянуть, – подумал Алексей.

Когда Севастьянова выписали из больницы провожать его пришла не только медсестра Анна, но и врач Петров.

– Александр Павлович, спасибо Вам, что вытащили меня с того света, – поблагодарил Алексей.

– Теперь всё в Ваших руках, – ответил медик. – Выбирайте сами: умереть в придорожной канаве или жить жизнью нормального человека.

– Дядя Лёша, возьмите, пожалуйста, пакет, – Анна протянула Севастьянову огромную авоську с продуктами. – Мы с девчонками собрали Вам в дорогу.

В ответ он по отечески обнял медсестру и пожал руку врачу. Затем нагнулся к Петрову вперед и шепнул на ухо: «Она Вас любит». Александр Павлович растерялся, но постарался не подать вида.

– Если будет нужна помощь, то позвоните мне, я в Анин пакет положил блокнот с номерами телефонов, – сказал напоследок Петров.

Алексей хитро улыбнулся и подмигнул Анне. К воротам больницы он старался идти таким же бодрым шагом, как когда покидал своё село, но было заметно, что он хромает на левую ногу.

На электричках он собирался доехать напрямик до районного центра своего села, но добрался лишь до Сергиева Посада. Уже в электричке он нашел собутыльников, с которыми успешно бегал от контролеров и преодолевал турникеты на станциях. Потом были пьянки в коллективных садах и на свалках, «отдых» на сутках в КПЗ и прочие прелести бомжацкой жизни. Если бы Алексея спросили, что он помнит из этого периода своей жизни, то наверняка ответил бы, что лишь журчание огненной воды в стаканах.

Самый яркий эпизод произошел летом, где-то в Тверской области. Наш Алексей, капитан запаса Григорич, речник Семён и электрик Николай удачно сдали в цветмет несколько метров медного кабеля. Все с приставкой «бывший». Успеха операции удалось достичь благодаря последнему, который вовремя объяснил как и где рубить кабель под напряжением. «Банда» выручила несколько тысяч рублей и обесточила целый поселок. После мужикам захотелось отметить успешный улов «по-человечески», как выразился Григорич.

Надо отметить, что эта компания выглядела, мягко говоря, не лучшим образом. В молодежном слэнге для таких есть подходящее слово: «Орки». Лохматые, небритые, в одежде на несколько размеров больше, с грязными от сажи лицами.

Они пошли в местный «шатер», где собирались разномастные выпивохи. Здесь гуляла и молодежь, и люди постарше, и те кого принято называть «бандиты».

Мужики взяли водки, самой дешевой в бутылке, похожей на кувшин, 2,5 литра. На этикетке красовался румяный боцман.

– Семён, смотри-ка, это же ты, – засмеялся Николай. – Речной волк, якорь мне в глотку!

Вся четверка гоготала до тех пор, пока Семён не начал хрипеть и плевать кровью. У него был туберкулез.

В шатре с надписью «Волга» из испорченных динамиков лилась музыка, в основном шансон и уличная музыка. То Круг, то Петлюра и неожиданно «Фактор-2» и «Сектор Газа».

После первой рюмки мужики заказали закуску – пельмени и сухарики. Пельмени подали в желтой пластмассовой подложке, по вкусу казалось, что их делали из одного материала, что и импровизированную тарелку. На тост «под горячее» заиграла песня «Бомж» «Сектор Газа». Это Алексей решил так изысканно пошутить заказав у бармена музыку.

– Давайте выпьем за нас с вами, – пафосно произнес Севастьянов. – Пусть наша жизнь пошла по наклонной, но важно чтобы в ней мы оставались людьми.

– Золотые слова! – поддержал Николай.

Третий тост пили не чокаясь. Это Григорич по традиции вспоминал погибших товарищей. В первую чеченскую, он потерял не только пальцы на левой ноге (отчего теперь сильно хромотал), но и половину своей роты.

Ближе к полуночи в шатер потянулась молодежь. Расфуфыренные девицы, пацаны в кожаных куртках и больших ботинках. Все они лишь косо поглядывали на крайний стол, за которым распивали водку четверо бомжей.

За одним столом сидели девушки путанской наружности. Короткие кожаные юбки, колготки в сетку, яркая помада, цыганские серьги-кольца в ушах. Они пили пиво из кружек, но через соломинку. Одна из них периодически добавляла в кружки жидкость из металлической фляжки, которую принесла с собой. Видимо так «леди» пытались догнаться с помощью коктейля «Ёрш».

В разгар гулянки в шатер завалилась компания ребят, которых принято называть гопниками, кепки, семки, корточки – это всё про них.

«Шалава, лавалавалава» – в динамиках заиграла песня «Фактор-2».

– Ленка, сука, для тебя песня, – заорало пьяное быдло.

– Пошел на... – сдерзила некая Лена из-за женского стола.

Гопника видимо не учили в детстве, что девочек нельзя обижать. Он резво подскочил к столику и выдернул девушку на пол. Та попыталась встать, но отморозок приложился кулаком в левую скулу. Дабы присечь на корню дальнейшие попытки Елены встать, негодяй дважды пнул ее ногой и смачно плюнул в ее сторону.

– Ты, тварина, трахалась с ним за моей спиной, – орал гопник. – Убить тебя мало! Сейчас я тебя покалечу, посмотрим, кому ты будешь нужна, шлюха!

Компашка утырка лишь смотрела с ухмылками на происходящее. Остальные же компании старались не видеть происходящее и продолжали пить вино.

– Оставаться людьми, – пробормотал Григорич и медленно встал.

– Сынок, оставь девушку! – обратился он к отморозку.

– Какой я тебе сынок, папаша?! – высокомерно ответил гопник.

Девушка снова попыталась встать, но снова получила удар ногой. Было видно, как на пол с ее лица течет кровь.

«Пацанчик» решил переключить свой гнев, на внезапно вмешавшегося мужика и процедил сквозь зубы.

– Лежи, я с тобой не закончил.

Он, словно горный козел, лихо перемахнул через ближайший стол и поравнялся с Григоричем. Алексей увидел, как некогда сутулый дед, внезапно выпрямился и гопник в кепке оказался ниже его на голову.

– Да я тебя! – с этими словами молодчик попытался ударить Григорича головой в лицо, но не дотянулся. Удар пришелся в ключицу и от него пострадало лишь лицо нападавшего. Гопник зашатался и упал навзничь.

– Бей их, – кто-то крикнул из пришедшей компании.

Мужики схватили в руки что оказалось под рукой: бутылки и доски. А Григорич поднял в воздух целую лавку. Со стороны гопников в ход пошли ножи и кастеты. Бой был неравным. Пацанов с района собралось человек 10-12. Первых трех Григорич сбил с ног лавкой, но не успел увернуться от удара битой. Алексей бросился ему на помощь, но получил по голове чем-то тяжелым. Когда он очнулся, то увидел перед собой тело Николая с разбитым лицом. В руках у него была окровавленная «розочка». Рядом с ним лежали два бездыханных гопника. Севастьянов с трудом поднялся на ноги, голова трещала, как после страшного похмелья. Он огляделся по сторонам и насчитал на полу семь человек. Среди них, оперевшись на деревянную опору шатра сидел Григорич. Его рубашка была мокрой от крови в области живота. В шаге от него валялся зачинщик драки со сломанной шеей.

– Лёха, беги отсюда, всё на тебя повесят, – с хрипом произнес он. – Извини, что я тебя в это втянул. Я, как военный человек, пусть и бывший, не мог смотреть, как избивают женщину... Беги, мне уже не помочь. Кровь темная, моего замкомзвода так же убило, только осколком, а не пером. Дай сигарету на прощание и беги скорей, пережди на свалке пока всё уляжется, а потом иди в Свято-Троицкий монастырь, там отец Тихон, он бывший военный, моряк, скажи что от меня, он тебя примет.

Севастьянов что было сил побежал в сторону от проклятого шатра, на входе перешагнув еще через одного жмурика из числа нападавших. Отбежав от места метров на триста он обернулся и увидел красную точку от огонька, там где сидел Григорич. Еще секунду и огонек погас, шатер утонул в темноте.

Алексей короткими перебежками удалялся от места побоища. Под утро он добрался до сквера на другом конце города и устроил себе лежанку в кустах. Он упал на постеленные картонки как подкошенный. Состояние шока, которое позволило ему без усталости скрываться всю ночь, улетучилось, вместе с ним ушли и силы.

– Это были криминальные разборки, передел рынка или района, – Алексей услышал женский старческий голос. – Говорят никто не выжил. . .

Севастьянов открыл глаза и с удивлением понял, что проспал весь день.

– А я слышала, что всё началось из-за бабы, мужики её не поделили и порезали друг друга, – отозвалась вторая собеседница.

Наш герой понял, что сарафанное радио разнесло новость о случившемся по всему городу, а СМИ и далеко за его пределы. Нужно было залечь на дно. Дождавшись темноты Алексей отправился на поиски укромного места. Таким оказался задний двор хлебозавода. Там была организована площадка для выгрузки возврата хлеба из торговых сетей. Каждый вечер туда приезжали десятки машин и складировали остатки. Хлеб никто не трогал, пока не выгрузились все. Севастьянов набрел на площадку случайно, просто пошёл на пленительный запах выпечки и увидел сей оазис.

Времени между разгрузкой машин хватало на то, чтобы набрать несколько буханок хлеба и скрыться в темноте. Недалеко от хлебозавода стоял сгоревший дом, в котором Алексей соорудил себе шалаш. Здесь он спал и ужинал хлебом насущным.

– Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли, – вспомнил молитву Севастьянов.

Так, с Божьей помощью он скрывался в этом укромном месте целую неделю. Но шел конец августа и ночами начинало холодать. Алексей решил перебраться на железнодорожный вокзал. Здесь он выбрал себе кресло в зале ожидания поближе к кофейне. Запах кофе напоминал ему прежнюю жизнь. Его подруга Наталья иногда варила крепкий напиток и угощала своего возлюбленного. Теплые воспоминания прервал звук телевизора в кафе.

– Все участники кровавой бойни в шатре «Волга» установлены правоохранительными органами, – на экране шел выпуск новостей телеканала «Лайфньюс». – Мы нашли очевидца произошедшего, которая рассказала с чего началась драка.

В телевизоре появилась Лена. Разбитое лицо она стыдливо скрывала черными очками.

– Это было так ужасно, – слова девушки душили слёзы. – Мой бывший парень, этот отморозок, начал избивать меня на глазах у всех посетителей. За меня вступился лишь один мужчина, который за соседним столиком выпивал с друзьями. Я лишь краем уха слышала, что они поминали погибших товарищей, видимо это были бывшие военные. Мужчина вырубил этого урода одним ударом. Это ему не с девчонками драться. . . Но мой бывший пришел с компанией, у всех были ножи. . . Извините, мне трудно об этом говорить. Тот, кто за меня заступился, словно медведь раскидал этих разъяренных шакалов, но получил удар ножом исподтишка от моего бывшего. Мужик на моих глазах свернул ему шею голыми руками. . .

Итогом кровавой бойни стало девять погибших, еще пятеро до сих пор находятся в больнице.

Нам стало известно имя мужчины, который сломал хребет криминальной банде, которая держала этот район. Сергей Григорьевич Николаев, капитан запаса, кавалер ордена Красной звезды, участник войны в Афганистане и первой чеченской кампании (на экране появилась фотография усатого офицера в «песочке» и панаме времен афганской войны, на гимнастерке виднелся орден и медали). В бою поучил серьезное увечье и едва не лишился ноги. В последние годы вел затворническую жизнь и ни с кем не общался.

Двое его товарищей, участвовавших в драке до сих пор не опознаны.

«Нужно помянуть», – шепнул Алексею зеленый змий.

У вас возникнет резонный вопрос: «Откуда у бомжа деньги на выпивку?» Алексей побирался и приворовывал. То курицу с прилавка стащит на рынке, то из чужого огорода натаскает огурцов. За такие поступки его почти не посещали угрызения совести, но были эпизоды, за которые Севастьянову хотелось провалиться сквозь землю.

Это произошло на малолюдной автобусной остановке. Алексей копошился возле урны, в поисках бычков по-крупней. Именно на остановке их было много. Пассажиры в ожидание своей маршрутки начинали курить, делали одну-две затяжки, как подъезжал нужный автобус. Не пойдешь же в автобус с сигаретой в зубах. Вот Севастьянов и подбирал недокуренные папиросы.

Взгляд бомжа привлек белый полиэтиленовый пакет, набитый продуктами питания. Рядом стояла мама с ребенком на руках. Подлое решение пришло внезапно. Алексей схватил пакет со скамейки и побежал. Добежав до угла ближайшего дома он перед тем, как скрыться из вида повернулся назад, чтобы убедиться в отсутствии погони. Женщина продолжала стоять на том же месте и успокаивала малышку, которая внезапно разрыдалась. Мать подняла голову и посмотрела в сторону Севастьянова. В её взгляде мужчина почувствовал боль, негодование и укор. «Что же ты собака делаешь?» – шальная мысль уколom ударила Алексея прямо в грудь. Но ноги несли его всё дальше от места преступления. Не смотря на жару наш герой был весь в холодном поту и его бил озноб. Вечером под покровом ночи, при свете тлеющего костра он начал разбирать «добычу». В пакете оказались две банки с порошковым детским питанием, три коробки манной каши, пачка подгузников и таблетки для лактации грудного молока. Среди покупок лежала потрепанная игрушка – коричневый медвежонок с пуговицами вместо глаз. Алексей держал мишку в руках и чувствовал, как горлу подкатывает ком, а на глазах выступают слёзы. Он бросил игрушку в костёр, упал на траву и зарыдал в голос. В соседних дворах на его вой отозвались сторожевые собаки, своим лаем заглушая крик боли человека, который совершил бессмысленный и отвратительный поступок.

Осень. Чтобы пережить зиму, перелетные птицы улетают в теплые страны, некоторые звери уходят в спячку. Чтобы выжить бомжам в это суровое время года им приходится сбиваться в группы. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, один человек всю ночь не сможет поддерживать огонь. Во-вторых, в группе легче искать пропитание. Например, найденную чугунную трубу в чермет можно отнести только сообща. В-третьих, нескольким людям проще согреться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.